

каста

Где саду цвезть – белеет остов,
а мы краснеем для контраста,
лазутчики из девяностых,
нас – каста.

Неприкасаемая свора,
в напрасной нежности жестоких
солдат, не вынесших фавора,
не стойких.

Так высоты все ниже градус,
и будто нет звезды позорней,
чем та, что выпала на радость
в наш лепрозорий.

Лечить отпетых нет причины,
и что в сердцах не налабай ты,
мы – сто пудов – не излечимы,
нас килобайты.

В анамнезе – сто строчек в ворде
за тех, кто не успев наспамить,
за скобки вынесен – подводит
нас память.

Мы все еще on-line – на случай,
когда забыв про чад и жен их,
провайдер свыше свистнет
лучших
из прокажѐнных.

любой ник

небо пасмурное всё ближе –
не о том ли сто лет мечтала?
то ли ветер карнизы лижет,
исповедуя вкус металла,

то ли скоро весна и снова
станет некуда торопиться.
что терять мне, живое слово
подбирающей по крупицам,

на подмостках чужого века
присягающей, как иконе,
письмам мёртвого человека
не ушедшего от погони.

у беспамятства нет девайса,
неформат в ледяном офсете.
как теплее не одевайся –
всё равно попадаешь в сети.

без раздумий беру любой ник,
даже думать боюсь – что ищем.

тот ещё мне соловей-разбойник
с точной рифмой за голенищем.

что просить у тебя. всевышний,
принимай потихоньку меры –
были, были, да вот все вышли.
если только немного веры?

нет, конечно, я не про счастье,
что давно уже не по силам.
научи меня не прощаться,
даже если я не просила.

век эпилога

все эпилоги – попытка сказать «прости»,
иногда – поздороваться,
чаще – красиво выйти
из той самой воды, в которую – не врати
дважды. пробовал?
и ведь будешь сидеть и выть, и
ждать, когда проплывет хотя бы не труп врага,
так его томагавк, а лучше – вязанка писем
о тебе и о ваших шансах копыта сбить и рога
самопальному богу, что так теперь независим
и уже не нуждается в ваших задорных «ку»,
но по-прежнему почитаем, чреват, приколен
и всё так же гордится дырою в левом боку,
но боится девочек в белом и колоколен.

отбинтуй ему неба, похожего на плакат –
пусть гордится участием, коли не смог участием,
доит розовым градом набухшие облака
и чужие «итаки» делит с братвой на части.
затаись, будто не было – верь, но не смей просить.
если знахарь – лечи, но ни-ни, не давай поверить,

потому что обманешь, не время кричать «прозрит»,
это время больное, мечется и грозит,
это время последней охоты на тени зверя.
если плакальщик – плачь: живые же, если воем,
если клоун – смехи, закутай в цветные шали
всех бездомных и нелюбимых –
не тех еще воскрешали
а если воин –
не надейся, мол, после нужных слов еще насорю,
а пока обойдусь штыковой лопатой, лассо и
миной.
я умру на рассвете, позарившись на зарю,
у тебя же есть выбор – век эпилога длинный

что ты знаешь

Что ты знаешь о жизни заснеженных тех городов,
где секундная стрелка годами стоит, как влитая,
и короткая память не стоит напрасных трудов,
и хрипят самолеты, с саднящего поля взлетая.

У остывшей земли на краю без причины не стой –
прибирает зима в ледовитом своем фетишизме
выживающих чудом в местах отдаленных
не столь.

Что ты знаешь о жизни?..

Родом из отмороженных окон – куда нам таким?..
И тебе не понять,
постояльцу нарядных бульваров,
отчего так бледны одолевшие брод седоки
и не смотрят в глаза, отпуская своих боливаров.

Что ты знаешь о жизни, немногим длиннее стишка,
где случайным словам
в изувеченном ветром конверте
до последнего верят и крестятся исподтишка –
что ты знаешь о смерти

искрометных свечей, позабытых у пыльных икон,
где Господь раздает векселя в неизвестной валюте
и все так же один – налегке по реке босиком
отправляется в люди.

Береги казанки

слышишь, сердце стучит, разбиваясь о колотый наст?
брось – молчи, не молчи, наши пленные выдадут нас.
страх дожить до весны пусть отпустит тебя, наконец,
в безымянные сны королевства стеклянных сердец.

бог даётся с трудом тем, кто песни поёт в нищете.
ты войдёшь в чей-то дом, а вернёшься опять на щите.
дзинь – и жизнь истекла. а попробуй-ка, врежь-ка замки,
если дом – из стекла. берегись. береги казанки.

раз уж сеть – божий дар, так молись, забывая про стиль.
что же ты ожидал, ведь никто никого не простил.
мы бежим на ловца, просто некому нас извинять.
вот и бьются сердца и звенят, и звенят, и звенят.